

The background of the cover is a dark, starry space. Two hands are reaching towards each other in the center. The hand on the left is pale and appears to be made of stone or bone, with a dark, textured sleeve. The hand on the right is more delicate, with long, dark-painted fingernails and a black lace glove. Between the two hands is a bright, glowing purple energy or spark. The title is written in a large, ornate, golden font with a purple glow, set against a decorative golden frame.

КОСНИСЬ ОДНАЖДЫ

Алиса Сереброва

18+

Алиса Сереброва

Коснись Однажды

«Автор»

2026

Сереброва А.

Коснись Однажды / А. Сереброва — «Автор», 2026

«Коснись однажды» В свои неполные двадцать три я могу заставить любого мужчину делать то, что я захочу. Мне нужен всего один взгляд. Всего одно прикосновение. И он обречен. И дело тут не в красивом личике и не в стройной фигуре. Здесь замешана магия. Древняя. Тёмная. Могущественная. И цена этой магии — жизнь. Это мистическая история о первой любви, роковой ошибке и цене, которую приходится платить за своё счастье. Можно ли обмануть судьбу? Или фиолетовый свет однажды настигнет каждого?

© Сереброва А., 2026

© Автор, 2026

Алиса Сереброва

Коснись Однажды

Глава 1. Обычная жизнь

У меня всё хорошо.

Это первое, что я говорю себе каждое утро. Открываю глаза в своей маленькой квартирке на окраине — и сразу: «У меня всё хорошо». Потолок надо мной в разводах. Соседи сверху вечно заливают, а у меня вечно нет времени вызвать мастера. И всё равно — хорошо.

За окном шумит проспект. Сквозь этот шум пробивается дребезжание трамвая где-то вдалеке. Я уже привыкла к этому звуку. Он стал частью моей жизни. Как и сама квартира, и этот потолок, и разводы, которые я обещаю себе закрасить уже третий месяц. Честно — когда-нибудь я это сделаю.

В холодильнике — вчерашний салат, полбанки маринованных огурцов и засохший кусок сыра. В холодильнике мышь повесилась, зато мороженое в ларьке у парка — моё. На тумбочке — недописанный реферат по истории журналистики и чашка с остывшим кофе. Кофе я пью чёрный, без сахара. Так хоть какая-то польза, а сахар я лучше потрачу на мороженое. Это моё маленькое правило. Оно помогает чувствовать: я контролирую хотя бы что-то в этой жизни.

У меня длинные белые волосы. Не крашенные. Свои. Мама говорит: фамильное, от прабабки. В детстве меня дразнили «старуха» из-за них. А теперь девчонки в институте спрашивают, у какого мастера я делаю такое сложное окрашивание. Я пожимаю плечами. Легче соврать, чем объяснять правду. Правду я не рассказываю никому.

На щеках веснушки. Их я ненавидела в детстве, теперь почти не замечаю. Глаза зелёные, губы пухлые — спасибо папиной генетике. Фигура позволяет есть мороженое в любых количествах — чем я и пользуюсь по выходным.

После пробежки в парке захожу в ларёк у входа. Беру два шарика: фисташковое и шоколадное. Сажусь на скамейку. Смотрю на бегунов, на мамочек с колясками, на влюблённых — и ем. Медленно, смакуя, вылизывая каждую капельку. Это мой маленький ритуал. Моя маленькая слабость.

Днём я студентка третьего курса. Факультет журналистики. Это бесконечные дедлайны, вечно невыспавшиеся глаза одногруппников и вечные споры о том, что такое настоящая правда. Я сижу на лекциях, делаю вид, что слушаю, а сама рисую на полях тетради цветы. Странные цветы, каких не бывает — с фиолетовыми лепестками. Я не знаю, зачем я их рисую. Они появляются сами собой. Будто кто-то водит моей рукой. Иногда смотрю на них и чувствую, как внутри поднимается что-то липкое, тёмное. Тогда я зачёркиваю их. Закрашиваю чёрной ручкой. Переворачиваю страницу.

Вечером я официантка в кафе с дурацким названием «Уголок». Смены длинные, чаевые средние, посетители разные. Кто-то оставляет деньги, кто-то — номер телефона на салфетке. Я собираю эти салфетки в коробку из-под обуви. Там уже штук двадцать. Наверное, надо выбросить. Но я не выбрасываю. Не знаю зачем.

В институте я стараюсь быть незаметной. Серый свитер, джинсы, волосы собраны в хвост. Сажусь всегда с краю, на последней парте. Записываю лекции, не поднимаю руку, не лезу в дискуссии. Преподаватели знают меня как «ту тихую девушку с белыми волосами». Иногда это даже удобно — меня не трогают, не вызывают, не спрашивают. Я тень среди шумных однокурсников.

Но сегодня я снова не смогла сдержать себя.

Лекцию по истории массовых коммуникаций вёл профессор Семёнов. Пожилой мужчина, густые седые брови, привычка вызывать «случайных» студентов — чтобы никто не расслаблялся. Я сидела на своём обычном месте у стены и рисовала очередной фиолетовый цветок,

закрашивая лепестки жирными штрихами. И вдруг почувствовала на себе взгляд. Тяжёлый, пристальный. Почти осязаемый.

Я подняла глаза.

Профессор смотрел прямо на меня. Не на кого-то из задних рядов — на меня. Глаза сощурились, губы сжались. Он явно заметил мою отрешённость.

— Алина? — сказал он, чуть приподняв бровь. — Не хотите ли встать и ответить на вопрос? Что вы можете сказать о роли «жёлтой прессы» в формировании общественного мнения в конце XIX века?

Я замерла. Вопрос был простой. Я знала ответ. Но мне не хотелось отвечать. Не хотелось вставать. Не хотелось, чтобы на меня смотрели.

Сердце кольнуло. Могло бы быть иначе. Я могла бы просто ответить.

Но я не ответила. Я просто посмотрела на профессора. Прямо в глаза. Ничего особенного я не делала. Просто смотрела. И что-то в его лице изменилось. Брови дрогнули, зрачки расширились, челюсть расслабилась. Потом он моргнул — и как-то растерянно опустил взгляд. Будто только что проснулся.

— Хорошо, Алина, можешь не отвечать, — сказал он тихо. Даже немного виновато. И продолжил лекцию, будто ничего не произошло. Только голос стал чуть тише, чуть неувереннее.

Аудитория недовольно загудела. Кто-то сзади зашептался, кто-то хмыкнул. Девчонка с первого ряда обернулась и посмотрела на меня с любопытством. Я опустила глаза.

Профессор Семёнов не выдержал шепота. Поднял голову.

— Мы можем написать реферат по этой теме, — сказал он ледяным тоном, обводя взглядом притихшую аудиторию, — если вы так хотите.

В аудитории тут же стало тихо. Ещё бы — реферат у этого профессора означал неделю ада в библиотеке.

Я ухмыльнулась про себя. Но тут же осознала: я снова поддалась. Мне всё сложнее контролировать свои мысли. Этот жар, который поднимается изнутри, когда я смотрю на кого-то. Это напряжение, которое разряжается чужим подчинением. Мне вдруг стало жарко.

Лекция закончилась. Я вышла в коридор, села на подоконник у окна. Открыла дневник. Надо записать всё. Всё, что я помню.

Я обычная девушка. Живу в обычном городе. Учусь в обычном институте. Со стороны — самая обычная жизнь.

Но однажды я заглянула в глаза тьмы. И тогда всё началось.

Сегодня я загляну в них снова. Чтобы сжечь самое сердце этого зла. Или сгореть самой.

Я расскажу обо всём по порядку. С того самого лета, когда мне было восемнадцать. Лета, которое навсегда разделило мою жизнь на «до» и «после». На жизнь до прикосновения — и после.

И с тех пор каждое касание — приговор.

Я редко туда возвращаюсь. Даже в мыслях. Но сегодня вспомнила. Наверное, потому что фиолетовый свет снова пульсирует где-то на границе сна и яви. Наверное, потому что потом рассказывать будет нечего... Или некому.

Скоро за мной придут. А пока у меня ещё есть время, чтобы записать свою историю.

Конец первой главы.

Глава 2. Желтое платье

Несколько лет назад. Мне восемнадцать.

То лето пахло земляникой, речной водой и нагретой на солнце хвоей. Я гостила у бабушки с дедушкой в деревне. Дом старый, с резными наличниками и скрипучим крыльцом, где каждая доска знала меня с детства. По утрам дед уходил на рыбалку, бабушка топила печь

и ворчала — мол, я сплю до обеда. А я просыпалась под запах блинов и топлёного молока, натягивала шорты и бежала на речку. Пока бабушка не успела придумать новое поручение.

Дни тянулись медленно. Мы купались до посинения — местные и приезжие, все собирались на пляже у старой сосны, корни которой уходили прямо в воду. Девчонки сохли на полотенцах, мазались солнцезащитным кремом, листали глянцевые журналы — те передавали из рук в руки, пока они не превращались в мятые комки. Парни брызгались и ныряли с обрыва. Кричали, кто дальше и кто громче. А я лежала на тёплом песке и делала вид, что читаю. Сама краем глаза следила за ним. За Антоном.

Но лето — это не только речка и взгляды украдкой. Это ещё и долгие, томные вечера, когда солнце садится за горизонт, а воздух всё ещё хранит дневное тепло.

Мы с девчонками любили гулять по посёлку. Ленка — моя верная подруга по деревенским каникулам — всегда была заводилой. Короткие русые волосы вечно торчат в разные стороны, веснушки на носу, смех громкий — на всю улицу. Она жила здесь круглый год: большой дом, родители и младший брат. Отец работал на ферме, мать — в сельском магазине. Ленка знала всех и вся. Могла рассказать, у кого корова отелилась, кто к кому ходит тайком, а кто в каком переулке целуется. Она была из тех девчонок, с которыми не соскучишься: могла предложить украсть яблок у соседки (и мы крали, а потом хохотали до упаду), а могла и заступиться, если кто из местных парней позволял себе лишнее.

— Алин, ты опять на него смотришь? — толкала она меня локтем, растягиваясь на полотенце. — Да забей ты на Антона. Он на всех одинаково смотрит — как на мебель.

— Я не смотрю, — врала я, отворачиваясь.

— Врёшь и не краснеешь, — усмехалась Ленка. — Ладно, ты вечером в подвал идешь?

Подвал — это было наше тайное место. Старый заброшенный дом на краю деревни, который, по слухам, принадлежал когда-то купцу, а потом сгорел. Полуподвальное помещение уцелело: сырое, с низкими потолками, пахнет землёй и плесенью. Но для нас — идеальное убежище. Мы собирались там почти каждый вечер: я, Ленка, Маринка и несколько местных ребят.

Маринка — тихая, задумчивая, с длинными русыми косами и удивительно светлыми, почти прозрачными глазами. Она приезжала на лето к бабушке, как и я, но жила на соседней улице. Маринка не была громкой, не лезла в центр внимания. Но когда она говорила, её слушали. Что-то в ней было такое... успокаивающее, что ли. Она любила книги, знала много странных историй и всегда носила с собой блокнот, куда записывала сны. «Сны — это ключи», — говорила она загадочно. Мы смеялись. Но я замечала: Ленка тоже иногда тайком заглядывает в тот блокнот.

Дисотеки в клубе — отдельная история. По выходным деревянное здание с выцветшей вывеской оживало. Музыка гремела так, что стёкла дрожали. Проекторы красили лица в красный и синий. Пахло потом, дешёвым парфюмом и сладким дымом. Я танцевала до упаду, иногда подходила к Ленке, и мы кричали друг другу что-то в ухо — перекрывая басы.

— Смотри, он опять на тебя смотрит! — Ленка кивала в сторону диджейской будки.

— На кого попало смотрит, — отвечала я. Но внутри всё переворачивалось.

Антон за пультом. Чёрные волосы падают на глаза. Руки переключают регуляторы. Иногда он поднимал голову и обводил взглядом зал. И тогда мне казалось — на долю секунды, — что он смотрит на меня. Только на меня.

В ту ночь в клуб приехали ребята из соседних деревень. Кто-то привёз алкоголь в жестяных банках — модные тогда коктейли со сладким привкусом, их пили все, кто хотел казаться взрослее. Я выпила пару банок за компанию. Голова приятно закружилась, стало легко и немного безрассудно. Мир стал мягче, границы размылись, сердце забило где-то в горле.

И тут я впервые заметила её.

Она вбежала в клуб. Жёлтое платье. Короткое, лёгкое, почти прозрачное на просвет — летело за ней, как флаг. Рыжие волосы — яркие, огненные, настоящие. Таких волос я никогда не видела. Они горели в свете прожекторов, отбрасывали блики на плечи, на лицо, на танцпол. Она была красивая. Не такой красивой, как мы, местные скромные девчонки. Другой. Дерзкой, дикой красотой. В ней чувствовалось что-то неуправляемое, опасное. Притягательное.

Она ворвалась в толпу и сразу закружилась. Танцует, заигрывает взглядом с каждым парнем, кто попадает на пути. Ленка толкнула меня локтем:

— Видала? Рыжая бестия.

Я отвернулась. Напилась, дуреха — вот и понесло её. Подумаешь. Какое мне дело.

Но время шло. Коктейли делали своё дело. Во мне закипала какая-то отчаянная смелость. Я решила: пойду. Прямо сейчас. В диджейскую. Скажу ему что-нибудь. Просто так. Познакомлюсь. Хватит прятаться по углам, ждать, смотреть, страдать. Сегодня я скажу ему всё.

Я пробиралась сквозь танцующих — сердце колотилось. Коридор за сценой был полутемным. Музыка здесь звучала глуше, басы уходили в пол, превращаясь в ровную пульсацию. Дверь в диджейскую была приоткрыта. Из-под неё пробивался тусклый свет.

Протянула руку, чтобы постучать.

И замерла.

Оттуда кто-то сильно застонал. Стон — полный возбуждения, удовольствия, похоти. Я знала, что это такое — по фильмам, по книгам, по шёпоту подружек. Но в жизни я такого никогда не слышала. Этот звук пронзил меня насквозь. Пригвоздил к месту.

Мне надо было уйти. Развернуться и убежать. Забыть. Не знать. Не видеть.

Вместо этого я толкнула дверь. Чуть-чуть. Самую малость.

На полу, у стены, валялось жёлтое платье. Аккуратно сброшенное — будто его владелица никуда не торопилась.

А дальше... Дальше я смотрела, не в силах отвести взгляд. Хотя каждая клетка кричала: не смотри, не смей, беги. Но я не могла. Будто приросла к этому месту.

Антон сидел на стуле. Голова запрокинута, глаза закрыты, губы прикушены — он кусал их от удовольствия так, что они наливались кровью. А на нём, верхом, извиваясь, приподнимаясь и медленно опускаясь, сидела она. Рыжая. В одном белье. Её тело двигалось в каком-то своём ритме — плавном и диком одновременно.

Они застонали в унисон.

Руки Антона обняли её за спину и талию с такой силой, что на секунду я подумала: сломает. Вот сейчас возьмёт и сломает её пополам. И я была бы рада такому финалу.

Голова девушки опрокинулась назад. Мокрые рыжие волосы скользнули по лопаткам. Она открыла глаза — и посмотрела прямо на меня.

Не удивилась. Не испугалась. Не закричала.

Она мне улыбнулась. Медленно. Победоносно. Так, словно я была не свидетельницей, а зрительницей в первом ряду. И она играла этот спектакль специально для меня. В её улыбке было всё: торжество, презрение, насмешка.

Я не помню, как выбежала из клуба.

Не помню, как бежала по лесу. Ветки хлестали по лицу, ноги скользили по мокрой траве — но боли я не чувствовала.

Очнулась только когда ноги подкосились, и я рухнула на колени. Вокруг был лес. Тихий, темный, пахло прелой листвой и стоячей водой. Луна едва пробивалась сквозь густые кроны. Я подняла голову и увидела озеро. Маленькое, почти круглое — как глаз. Чёрная вода блестела в лунном свете.

Я плакала. Долго и горько — как не плакала никогда в жизни. Била ладонями по земле, пока не содрала кожу. Кричала, швыряла в воду камни — будто это они виноваты. Слёзы текли

и текли, и я не могла их остановить. Пока они не кончились сами. Больше не было сил плакать, да и нечем. Глаза высохли.

Я подошла к озеру и наклонилась, чтобы умыться. В отражении была не я. Там была растрёпанная, опухшая от слёз, разбитая девочка. По её лицу растеклась тушь и размазалась помада — на щеках, на подбородке, на шее.

Со злостью ударила ладонью по воде. Отражение распалось кругами, исчезло. Я снова заплакала — тихо, всхлипывая, прижимая руки к лицу.

Через минуту я смогла взять себя в руки. Зачерпнула ледяную воду, умылась. Тушь потекла черными ручьями, я вытерлась подолом футболки.

«Где это я?» — мысль пришла внезапно, когда внутри уже не осталось ничего, кроме пустоты.

Я огляделась. Лес, озеро, тишина. Ни огонька. Ни звука.

Вдруг в отражении воды я увидела фиолетовый цвет. Он пульсировал, переливался — словно кто-то зажёл под водой огромный светильник. Я подняла взгляд.

На берегу, в десятке метров от меня, стояла избушка. Старая, покосившаяся, заросшая травой по самую крышу. Крыша провалилась, стены почернели, окна затянуло паутиной. В ней не горело света — наверное, уже лет сто.

Но из маленького окна струился фиолетовый свет.

Я смотрела на него, и мне вдруг стало всё равно. Пусть будет что будет. Хуже уже некуда. Поднялась на онемевшие ноги и пошла к этой избе. Трава была мокрой, холод пробирал до костей — но я шла.

Дверь открылась без скрипа. Словно ждала.

Конец второй главы.

Глава 3. Коснись однажды

Внутри пахло травами — сушеными и свежими. И ещё чем-то сладким, приторным. Голова закружилась сразу, как только я переступила порог.

На столе горели свечи. Фиолетовые. Много. Их свет заполнял комнату, делал воздух густым, почти осязаемым — словно его можно было потрогать рукой. В центре стола лежал сияющий фиолетовый круг, похожий на большую тарелку. А за столом сидела старуха в тёмном платке.

Она подняла на меня глаза. Обычные, бабушкины, добрые. И улыбнулась.

— Заходи, милая, — сказала она. Голос скрипел, как старые половицы под ногами. — Заходи. Я тебя ждалась.

Я вошла. И дверь за мной закрылась сама.

— Здравствуйте, у вас есть вода? Очень пить хочется, — прохрипела я.

Бабка молча зачерпнула деревянным ковшом воду из чёрной кастрюли — та стояла на краю стола. Протянула мне. Но, протянув, не отпустила сразу — задержала ковш в воздухе, вглядываясь мне в лицо.

— Это точно то, что ты хочешь больше всего? — спросила она ехидно, прищурившись.

В свете свечей её лицо выглядело жутковато. Тени плясали на морщинистой коже, проваливались в глазницы, делали взгляд глубже и темнее. Честно говоря, меня пробрало.

— Да, — я потянулась к ковшу. — Я хочу пить.

— А как же Антон? — чуть усмехнувшись, повысила голос бабка.

Я уставилась на неё, вытаращив глаза. Откуда она знает? С чего вообще?

— Откуда вам известно про Антона? — спросила я, и голос мой дрогнул.

Старуха усмехнулась, обнажив жёлтые, редкие зубы.

— Милая, я много чего знаю. Знаю, как ты смотришь на него. Знаю, как у тебя сердце бьётся, когда он рядом. И знаю, что сегодня ты видела такое, от чего у тебя всё внутри перевернулось. Больно, да? Очень больно?

Она попала в точку. Я опустила глаза, чувствуя, как слёзы снова подступают к горлу.

— Садись, — сказала старуха, кивнув на лавку у стены. — Не стой на пороге, как чужая. Я медленно подошла и села. Дерево подо мной жалобно скрипнуло. Изба будто вздохнула.

— Расскажи мне про этого Антона, — продолжала ведьма, не сводя с меня глаз. — Ты его любишь?

Я молчала. Что я могла ответить? Что он снится мне каждую ночь? Да. Но признаться вслух — даже перед этой старухой — было стыдно. И глупо. Наверное.

— Люблю, — выдохнула я наконец. Слово вышло хриплым, почти неслышным.

— А он тебя?

Я сжала кулаки.

— Он... он даже не замечает меня. Сегодня он был с другой. С рыжей. Я видела.

— Видела, — кивнула старуха. — И что ты почувствовала? Расскажи.

— Боль и злость, — слова вырывались сами собой. — Я хотела, чтобы она исчезла. Чтобы её не было. Чтобы он смотрел только на меня.

— Только на тебя, — эхом повторила ведьма, и в её голосе мне послышалась насмешка. — На что ты готова, чтобы он был твоим?

Вопрос повис в воздухе. Я не знала, что ответить.

— На все, — растерянно пробормотала я.

Она откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди. — Вон там, на столе, тарелка. Достаточно положить на неё руки — и Антон забудет о рыжей. Навсегда. Он будет видеть только тебя. Думать только о тебе. Хотеть только тебя.

Я посмотрела на фиолетовый круг. Свет пульсировал, притягивал, манил.

— Нужно только согласиться, — она наклонилась вперёд, и голос её стал тише, но от этого только пронзительнее.

Я сидела и смотрела на тарелку. В голове билась одна мысль: «Он будет моим. Наконец-то будет моим».

В голове крутились рыжие волосы той девушки, её улыбка в дверях. Стон Антона. Его руки, обнимающие чужое тело. Больно было. Очень.

Я обернулась. Дверь была приоткрыта — в щель сочился лунный свет. Наверное, я могла встать и уйти. И забыть эту ночь как страшный сон.

Но я не могла забыть Антона. Его лицо. Его руки. Его глаза, которые никогда не смотрели на меня по-настоящему. И вот тут я, кажется, приняла решение.

— Я согласна, — сказала я твёрже, чем чувствовала.

— Тогда иди к столу. Положи руки на тарелку.

Я поднялась. Ноги дрожали. Сделала шаг, второй. Старуха не сводила с меня глаз.

— Разденься, — вдруг приказала она.

— Что? — я опешила.

— Сними платье. Магия требует чистоты. Никакой чужой ткани между тобой и силой.

— Я... — я замешкалась. — Я не хочу.

— Тогда уходи, — повторила она холодно. В голосе — ни капли сомнения.

Я помедлила. Потом, сжав зубы, стянула платье через голову. Бросила его на лавку. Осталась в одном белье. Было холодно, мурашки побежали по телу.

— Так лучше, — кивнула старуха. — Подходи.

Я подошла к столу. Фиолетовый свет бил в лицо, слепил. Тарелка казалась живой — пульсировала, дышала.

— Положи руки, — велела ведьма.

Я медленно опустила ладони на холодную глину. И тут же поняла — я не могу их оторвать. Словно сотни невидимых нитей пришили мои пальцы к этой посудине.

— Что... что происходит? — испугалась я.

— Молчи, — приказала старуха.

Она встала, обошла стол, встала позади меня. Её руки легли мне на плечи — ледяные, костлявые, они сжимали, не пускали. Дышать стало тяжелее.

— Смотри на свет, — прошептала она мне в ухо. — Не отводи глаз.

Я смотрела. Фиолетовое сияние пульсировало в такт моему сердцу. Всё быстрее. Быстрее. Мир начал плыть.

— Закрой глаза, — скомандовала старуха.

Я закрыла.

И тут же увидела Антона. Он стоял передо мной, улыбался, протягивал руку. Я шагнула к нему — но он исчез. Вместо него — рыжая. Она смеялась. Её смех звенел в ушах, как разбитое стекло.

— Открой глаза, — услышала я сквозь вату в голове.

Я открыла. Старуха стояла напротив, положив свои руки на мои. Её пальцы — холодные, как лёд.

— Теперь слушай, — сказала она и подняла голову вверх. Глаза закатились — видны только белки. Губы зашевелились, издавая звуки, похожие на змеиное шипение. Я не понимала слов. Только ритм, только вибрацию. Что-то древнее, тяжёлое, нечеловеческое.

Она опустила голову и посмотрела на меня. Белки, два мутных шара.

— Коснись однажды — будет твой, — прокричала она мне в лицо. — Коснёшься дважды — будет мой!

Комната взорвалась фиолетовым светом. Он заполнил каждую щель, каждый угол — вытеснил воздух, вытеснил реальность. Свечи одна за другой взмыли в воздух, покружились в бешеном хороводе и погасли разом. Стало темно, но всё равно светло — этот свет шёл отовсюду, изнутри.

Я почувствовала, как мы проваливаемся под землю. Словно в огромную воронку. Меня скрутило, смяло, разорвало на тысячу кусков — а потом собрало заново.

Наступила темнота.

Абсолютная. Беспросветная. Гулкая.

А потом в этой темноте я услышала голоса.

Конец третьей главы.

Глава 4. Первая любовь

— ...а этот, из Красной Поляны, вообще на тракторе приехал! Представляешь? — голос Ленки врезался в уши — ну прямо как гудок комара.

Я моргнула.

Сажу на крыльце клуба. Доски подо мной тёплые — солнце уже село, а дерево всё ещё хранит летнее тепло, отдаёт его сквозь тонкую ткань шорт. Рядом Ленка и Маринка болтают ногами, хихикают. В руке — пустая жестянка из-под коктейля. Сладкий приторный привкус во рту, язык ватный, нёбо будто сахарной ватой облепило. Голова гудит. Не от алкоголя — от того, что случилось. Или не случилось? Грань между явью и сном стёрлась.

— Алина, ты чего замолчала? — Ленка толкнула меня в плечо. — Спишь, что ли?

Я перевела взгляд. Живая. Настоящая. Смотрела на неё и не могла поверить, что минуту назад сидела в избушке с ведьмой. Или не сидела? В голове всё смешалось в один большой ком.

— Воды хочу, — сказала я хрипло. Голос грубый, будто я не пила несколько дней. Горло словно наждачкой ободрали. — Слишком много выпила.

— Так сходи умойся, — Маринка махнула рукой в сторону двери.

Я поднялась. Ноги слегка подкашивались — то ли от долгого сидения на жёстких досках, то ли от того, что мир вокруг казался слишком ярким, слишком настоящим. Цвета насыщеннее, звуки громче. Сделала шаг — и тут же мир качнулся. Нет, не от опьянения. От того, что я увидела свои руки.

Они словно переливались фиолетовым свечением. Тонкие нити света пульсировали под кожей, гасли и загорались снова. Как вены, наполненные не кровью, а чем-то иным. Как те свечи в избушке. Как тот свет в озере. Я поднесла ладони к лицу — свечение не исчезло. Оно было настоящим.

Зажмурилась. Сильно, до боли в веках, до искр в глазах. Открыла.

Свечение исчезло.

Показалось. Точно показалось. Просто коктейли, усталость, нервы. Я же ничего не пила кроме этих дурацких банок. Наверное, в них дешёвый алкоголь с примесями. Или мне показалось. Должно было показаться.

Я сделала шаг к двери — и замерла.

Она поднималась по ступенькам.

Рыжая. В том самом жёлтом платье. Короткое, лёгкое, почти прозрачное на просвет — облегалo фигуру, колыхалось при каждом шаге, переливалось в свете уличных фонарей. Волосы — огненные, настоящие, живые — падали на плечи, на спину, горели как закат в середине августа. Она шла медленно, уверенно, глядя прямо перед собой. На меня — ноль внимания. Будто меня вообще не существовало. Пустое место, стекло, воздух.

В груди вспыхнуло что-то горячее. Не боль, не обида — злость. Дикая, слепая, беспомощная. Она поднималась из самого дна, из того места, куда я прятала все обиды. Сжала кулаки — ногти впились в ладони — и вошла в клуб.

Музыка гремела так, что басы отдавали в груди, в висках, в зубах — в каждой клетке тела. Красные и синие прожекторы резали полумрак, выхватывали из темноты танцующие тела, потные лица, мелькающие руки. В толпе было душно — перегар, сладкий дым электронок и чей-то дешёвый парфюм. Я пробиралась сквозь людей, сама не зная куда. Ноги несли меня к туалету — умыться, прийти в себя, посмотреть в зеркало и убедиться: я — это я. На мне нет фиолетовых линий. Ведьмы не существуют.

На входе в коридор столкнулась с парнем.

Высокий, плечистый — лица не разглядела в полутьме. Столкнулись, я пошатнулась, сумочка полетела на пол. Всё содержимое рассыпалось: помада, зеркальце, ключи, телефон. Он ловко подхватил меня за руку — пальцы сжали запястье, и по коже словно током ударило. Резко, больно, будто кто-то воткнул иглу в вену и выпустил разряд. Я охнула.

— Прости, — бросил он, наклоняясь. Голос низкий, приятный. Протянул сумку. — Держи.

Я молча взяла. Взглянула мельком — обычный парень, светлые волосы, глаза в полутьме не разобрать, футболка и джинсы. Незнакомый. Кивнула и пошла дальше.

Но уже через три шага остановилась.

Руку покалывало. Сильно, навязчиво, с каждым ударом сердца. Я посмотрела на запястье. Там, где секунду назад были его пальцы, проступили тонкие фиолетовые линии. Те самые. Как после хватки старухи в избушке. Они пульсировали слабым светом, извивались под кожей, как маленькие змейки. Живые нити.

— Ты чего стоишь? — кто-то задел меня плечом, обходя.

Я вздрогнула и рванула вперёд — к двери диджейской. Сердце ускорилось с каждым шагом, в ушах шумело. Я не думала. Просто бежала.

Толкнула дверь без стука.

Он сидел за пультом в наушниках. Крутил регуляторы, переключал ползунки, поправлял эквалайзер. Услышав скрип двери, обернулся. Удивлённо поднял брови — тёмные, густые, они придавали лицу суровое, почти хищное выражение, но сейчас в них читалось только любопытство.

На нём была чёрная рубашка, расстёгнутая почти до пояса. Я видела его грудь — гладкую, загорелую, с рельефными мышцами. И вены на руках, когда он опёрся локтем о стол. Сильные, накачанные руки — те самые, за которыми я так любила следить издали. Его пальцы, длинные, уверенные, лежали на регуляторах.

Он смотрел вопросительно, молчал. Ждал. В тёмных глазах — ни удивления, ни раздражения. Только спокойное, выжидающее любопытство.

Я подошла. Медленно, будто во сне. Каждый шаг давался с трудом — ноги ватные, сердце колотится, перекрывает дыхание. Протянула руку и коснулась его пальцев на пульте.

Он вздрогнул.

Глаза потемнели, зрачки расширились, заполнили почти всю радужку, сделав её чёрной, бездонной. Он смотрел на меня так, словно видел впервые. Словно я была не я, а кто-то другой. Кого он ждал всю жизнь. В его взгляде мелькнуло что-то первобытное, животное — и тут же пропало, сменившись жаром.

Несколько секунд. Мне стало неловко. Что я делаю? Зачем? Это не я. Я так не поступаю. Я не такая. Никогда не была такой смелой. Или просто никогда не хотела?

Я отдернула руку и шагнула к выходу.

Знаю — если уйду сейчас, всё зря. Но и останусь — что тогда? Фиолетовые линии на запястье горели, как клеймо. «Коснись однажды — будет твой». Я коснулась. Мысль о цене промелькнула — и тут же утонула в его взгляде.

Он догнал меня у самой двери. Схватил за руку — крепко, но нежно, так, что я не могла вырваться, но боли не чувствовала. Развернул к себе.

И поцеловал. Властно. Так, что я забыла дышать.

Конец четвертой главы.

Глава 5. Ты и я

Так я не целовалась ещё ни с кем. Это был не поцелуй — это было падение. В пропасть, в омут, на самое дно, где нет ничего, кроме него. Его губы — жадные, горячие, требовательные — впивались в мои, и я отвечала, теряя голову. Забывая, где мы, кто мы, что было час назад. Вкус его губ — сладковатый, с нотками энергетика и табака — кружил голову сильнее любого коктейля.

В голове мелькнули фиолетовые линии — и тут же потонули в его губах.

Я чувствовала его дыхание, его пульс, его желание. Его руки скользнули по моей спине, прижимая к себе. Моё сердце билось в унисон с его — бешено, сбивчиво. Мы дышали в одном ритме, и он заполнял всю комнату.

Он оторвался от моих губ на секунду — только чтобы сбросить рубашку. Ткань упала на пол с лёгким шелестом, пуговицы звякнули о бетон. Я провела ладонями по его груди, по плечам — кожа горячая, мышцы перекачиваются под пальцами, твёрдые, упругие. Он подхватил меня на руки, и я обвила ногами его талию — инстинктивно, будто делала это сотни раз. Не отпуская, он перенёс меня к столу, смахнул на пол какие-то бумаги, наушники, флешки. Они посыпались с глухим стуком — но нам было всё равно.

Я оказалась на столе. Деревянная столешница — холодная, шершавая. Но я не замечала холода. Он нависал сверху, и в его глазах горело то, от чего у меня перехватывало дыхание. Желание. Голод. Что-то древнее и неукротимое.

— Ты... — выдохнул он. — Кто ты?

Вместо ответа я притянула его за шею и поцеловала сама.

Его губы опускались всё ниже. Ключицы, грудь, живот. Он целовал меня везде, куда мог дотянуться. Нежно, медленно — сводя с ума. Каждое прикосновение его губ оставляло на коже огненный след, заставляло выгибаться, хватать ртом воздух. Его губы скользили по моему телу, как первый летний дождь по разгорячённой земле. Оставляли влажный след. Заставляли кожу гореть, покрываться мурашками, дрожать.

Я выгнулась дугой, запустив пальцы в его чёрные волосы. Они были мягкими, шелковистыми, вились вокруг пальцев. В голове не осталось ни одной мысли. Только желание. Только он. Только этот момент — который тянулся вечность и в то же время пролетал мгновение.

— Пожалуйста... — услышала я свой голос. Хриплый, чужой, умоляющий.

Он понял. Легким движением снял с меня платье — ткань скользнула по телу и упала на пол, рядом с его рубашкой. И мы слились в танце наслаждения. Движения — сначала осторожные, почти робкие — становились всё быстрее, глубже, откровеннее. Он стонал, кусая губы — те самые пухлые губы, которые я так долго хотела поцеловать. Этот звук сводил меня с ума, заставлял тело выгибаться ему навстречу, впиваться ногтями в спину.

Мы делали это снова и снова. Останавливались, чтобы перевести дыхание, и набрасывались друг на друга с новой силой — будто боялись, что это последний раз. Время исчезло. Был только он, только я, только этот тесный мирок диджейской, пропахший музыкой, сигаретным дымом и нашим потом. Проекторы за окном давно погасли, музыка стихла — но мы не замечали.

Я потеряла счёт времени. Может, прошёл час. Может, два. Мы лежали на столе, тесно прижавшись друг к другу, и я слушала, как бьётся его сердце — медленнее, спокойнее. Ритм постепенно выравнивался. Его рука гладила мои волосы.

— Это безумие, — прошептал он мне в волосы. — Меня будто ударило током. Я не знал, что ты сделаешь этот шаг. А сегодня... сегодня ты зашла, и я не мог отвести взгляд.

Я замерла.

Ещё сегодня днём он проходил мимо, едва кивнув. А вечером... вечером у него была она. Рыжая. Я видела. Или не было? Или это был сон? Всё перепуталось в моей пьяной голове.

В дверь громко постучали.

— Антон! — раздался женский голос, строгий, хозяйский. — Ты там? Клуб закрывается, через полчаса свет гашу!

Он чертыхнулся — тихо, сквозь зубы, — сполз со стола, начал натягивать джинсы. Я тоже завопилась, ища платье в темноте. Нашупала ткань на полу, набросила на себя, дрожащими руками поправила лямки, застегнула пуговицы.

— Иду, тётъ Зин! — крикнул он, застёгивая рубашку. Повернулся ко мне, взял за плечи. — Надо выходить. Провожу тебя.

Мы выскользнули в коридор. Тётя Зина, полная женщина в ситцевом халате, уже стояла у входа, позвякивая ключами. Увидев нас, понимающе хмыкнула — уголки губ дрогнули в усмешке, — но ничего не сказала. Только покачала головой и отвернулась.

Ночь встретила нас прохладой и запахом скошенной травы. Небо на востоке начинало светлеть — розово-золотая полоса разгоралась над горизонтом, обещая новый жаркий день. Звезды уже гасли, уступая место рассвету. Луна скрылась за деревьями.

Антон взял меня за руку, и мы пошли через деревню. Молча. Только наши шаги по гравию да лай собак где-то вдалеке. Дома спали, — лишь в одном окне горел тусклый свет.

У бабушкиного забора он остановился. Повернул меня к себе, заглянул в глаза — тёмные, глубокие, в них отражался утренний свет.

— Завтра увидимся? — спросил он тихо.

Я кивнула. Слова застряли в горле.

Он поцеловал меня — легко, в уголок губ — и ушёл. Быстро, почти бегом, будто боялся, что если обернётся, то не сможет уйти.

Я стояла, смотрела ему вслед, и внутри всё пело. Я счастлива. Я самая счастливая девушка на свете.

Я вошла в дом, тихо пробралась в свою комнату — половицы под ногами не скрипнули ни разу, будто дом тоже спал и не хотел просыпаться. Упала на кровать, не раздеваясь, уставилась в потолок. В голове кружились обрывки мыслей, чувств, ощущений.

И только тут, в тишине, я вспомнила.

Я посмотрела на запястья. Тонкие фиолетовые линии, которые я видела, — исчезли. Растворились, будто их и не было. Но на их месте, чуть выше, там, где старуха держала меня мёртвой хваткой, проступили другие. Бледные, едва заметные — но они были.

Я провела по ним пальцем. Кожа гладкая, тёплая. Но под ней — под самой кожей — я почувствовала лёгкое покалывание. Будто там, внутри, что-то шевелилось. Жило.

Коснись однажды — будет твой.

Коснись дважды — будет мой.

Бред! Что это значит? Я схожу с ума?

Нет. Это всё коктейли. Дурацкие коктейли из жестяных банок. Избушка, старуха и фиолетовый свет. И эти линии — просто следы от застёжки часов. Или царапины.

Надо просто поспать. Выспаться — и утром всё пройдёт.

Я легла, натянула одеяло до подбородка, закрыла глаза.

Закрыв глаза, я увидела рыжую девушку в жёлтом платье. Она улыбалась той же улыбкой, что в диджейской. Но теперь в её глазах я видела не насмешку.

Я видела торжество.

Чистое, холодное торжество.

Конец пятой главы.

Глава 6. Кошка

Я проснулась от того, что солнце светило прямо в глаза. Сквозь тонкую занавеску оно пробивалось золотистыми полосами, ложилось на пол, на кровать, на мои руки. Тепло разливалось по телу, обещая новый жаркий день.

Я посмотрела на запястья.

Тонкие фиолетовые линии, которые я видела ночью, исчезли. Совсем. Будто их и не было. Кожа чистая, гладкая, без единой отметины. Я провела пальцем — никакого покалывания, никакого свечения.

Может, мне всё приснилось? Может, не было никакой избушки, никакой старухи, никакого фиолетового света? Я просто напилась коктейлей, убежала в лес, упала и проспала до утра?

Я села на кровати — и тут же вспомнила всё.

Его губы. Его руки. Его тело. Запах его кожи — табачный, с нотками пота и чего-то родного, от чего внутри всё переворачивалось. То, как он смотрел на меня — жадно, удивлённо, будто я была чудом.

Это мне точно не приснилось.

Я улыбнулась. Впервые за долгое время — по-настоящему. Улыбка сама расправила губы — тёплая, почти болезненная после стольких дней тоски.

За окном запели птицы — звонко, перекликаясь с соседнего двора. Бабушка гремела посудой на кухне: звон тарелок, шкворчание масла, её тихое ворчание. Пахло блинами и топлёным маслом. Обычное утро. Самое обычное утро в моей жизни.

Остаток лета мы провели с Антоном. Практически не расставаясь.

Это были лучшие дни в моей жизни. Я даже не знала, что так бывает — когда мир перестаёт существовать и остаётся только вы вдвоём. Будто кто-то выключил звук вокруг, убрал всех лишних людей — и осталось только небо, трава и его рука в моей.

Мы гуляли по лесу. Он знал там каждую тропинку, каждую полянку. Водил меня за руку, показывал земляничники — маленькие красные ягоды под резными листьями. Учил различать птиц по голосам: «Вот это зяблик, а это дрозд». Я слушала и смотрела на него. Просто смотрела. Не могла насмотреться на его профиль, на ветер в чёрных волосах, на солнце, золотящее скулы.

— Ты чего? — спрашивал он, замечая мой взгляд.

— Ничего, — отвечала я. — Просто... хорошо с тобой.

Он улыбался и целовал меня в висок — легко, почти невесомо. От этого поцелуя по коже бежали мурашки.

Однажды мы остались на ночь в палатке в лесу. Бабушка ругалась, но отпустила — взяла слово, что вернусь утром. Мы развели костёр, жарили сосиски на палках — они подгорали, чадили, но казались вкуснее любого ресторанного блюда. Он рассказывал мне про город, где живёт, про свою школу, про друзей. Голос низкий, тягучий, как мёд.

— А у тебя кто-то был? — спросила я тихо, глядя в огонь.

Он помолчал. Потом взял мою руку — крепко, надёжно.

— Было, — сказал просто. — До тебя. Но это не считается.

— Почему?

— Потому что это не ты.

Я ничего не ответила. Только придвинулась ближе и уткнулась носом в его плечо, вдыхая запах дыма и его кожи.

Ночью, в палатке, когда мы лежали на надувных матрасах и слушали, как где-то ухает сова, он гладил мои волосы и шептал:

— У тебя волосы как лунный свет.

Я засмеялась, чтобы не спугнуть эту минуту.

— Глупости.

— Честно.

Он приподнялся на локте, заглянул мне в глаза. В темноте его лицо — только блеск глаз и смутный силуэт, но я чувствовала его взгляд. Тяжёлый, жаркий.

— Знаешь, — сказал он тихо. — Я боюсь, что если посмотрю в твои глаза слишком долго, то пропаду.

Я потянулась и поцеловала его сама.

Мы катались на лодке по озеру. То самое, у которого я нашла избушку. Днём оно выглядело совсем обычным — прозрачная вода, камыши, кувшинки с жёлтыми сердцевинами. Никакого фиолетового свечения. Никакой избушки на берегу. Я специально всматривалась в ту сторону — только лес, густой, зелёный, обычный.

— Чего ищешь? — спросил Антон, гребя веслами.

— Ничего, — соврала я. — Просто люблюсь.

Мы ходили на пикники с его друзьями. Они подкалывали его, что он пропал, ходит как влюблённый кот, что мы его больше не увидим. Он отшучивался, кидал в них травой — но под столом его рука всегда находила мою и не отпускала.

Мы целовались на заднем ряду в клубе, когда он работал. Между треками он подходил ко мне, садился рядом, обнимал за плечи. Я смотрела, как он управляет прожекторами — пальцы ловко скользят по регуляторам, разноцветные лучи режут полумрак, — и думала: как хорошо, что тогда я зашла. Как хорошо, что всё так вышло.

Я даже забыла про рыжую. Почти.

Иногда, когда мы занимались любовью — в палатке, в его комнате, на сеновале у соседа, — перед глазами всплывала её улыбка. Победоносная. Насмешливая. Я вздрагивала, замедлялась. Но Антон этого не замечал. Я прогоняла видение. Её нет. Есть только я и он.

Лето подходило к концу.

Воздух стал чуть прохладнее, ночи — длиннее. Где-то вдали уже желтели первые листья, хотя трава всё ещё была зелёной.

Мы сидели на крыльце его дома — он снимал комнату у местной бабушки — и считали звёзды. Получалось плохо: постоянно сбивались и начинали заново. Пахло поздними цветами и увядающими травами.

— Я всё придумал, — сказал он вдруг.

— Что?

— Как нам не расставаться. Я переведусь в твой институт.

Я села, уставилась на него. Сердце пропустило удар.

— В смысле? Ты же в своём городе...

— Передумал. — Он пожал плечами, будто речь шла о выборе мороженого. — Подумаешь, документы забрать. Я смогу.

— Антон...

— Тихо. — Он прижал палец к моим губам. — Я решил. И не спорь.

Я не спорила. Просто обняла изо всех сил, уткнулась лицом в его шею и заплакала — от счастья, от неверия, от того, что это вообще происходит со мной.

— И ещё, — сказал он, когда я отпустила. — Мы будем жить вместе. Я уже смотрел объявления. Есть одна квартирка недалеко от института. Маленькая, но уютная. Представляешь? Просыпаться и сразу видеть тебя.

У меня перехватило дыхание.

— Мы всё спланируем, — продолжал он, глядя в звёздное небо. — Будем учиться, работать. Вечерами гулять. А по выходным...

— Что по выходным? — шепнула я.

— По выходным будем делать вид, что мы туристы в своём городе. Музеи, парки, кафе. Я хочу узнать тебя всю. Каждый день. Каждый час.

Я смотрела на него и не верила. Что так бывает. Что мне так повезло.

— Я согласна, — сказала я. — На всё согласна.

Он поцеловал меня. Звёзды кружились в медленном танце. Весь мир был только наш.

Мы разъехались в конце августа.

Он уехал к себе — поговорить с родителями, забрать документы из института. Я вернулась в город, к родителям. Мы созванивались каждый вечер. Иногда по два раза. Иногда засыпали с трубкой у уха, слушая дыхание друг друга.

— Две недели, — говорил он. — Всего две недели, и я приеду подавать документы.

— Я буду ждать, — отвечала я.

Я ждала. Считала дни, часы, минуты. Переставляла галочки в календаре, представляла нашу встречу на вокзале, как я брошусь ему на шею, как мы пойдём смотреть ту самую квартирку.

На тринадцатый день позвонила его мама.

Я взяла трубку, ещё улыбаясь — думала, это он с другого номера.

— Алло?

— Алина? — голос чужой, сдавленный. — Это мама Антона...

Улыбка сползла с моего лица. Внутри всё оборвалось.

— Что-то случилось?

Пауза. Длинная, бесконечная пауза, в которой уместилась вся моя жизнь. Я слышала, как на том конце кто-то всхлипывает.

— Алин... Антона больше нет. Он погиб.

Новость ударила в виски. Сжала лёгкие, перекрыла горло, остановила сердце.

— Что? — выдохнула я. — Как?

— Он... он выпал из окна. Там кошка сидела на карнизе, он полез её спасать... Господи, Алин, прости, я не знаю, как сказать...

Я не слышала дальше. Слова рассыпались на бессмысленные звуки.

Пальцы побелели. Телефонная трубка жалобно заскрипела. Я сжимала её так, что пластик треснул и острой кромкой порезал кожу.

— Алин? Алин, ты слышишь? Алин!

Я выронила трубку. Она упала с глухим стуком. Прижала палец к губам — на языке металлический привкус крови. Посмотрела на руку.

Из пореза сочилась кровь.

И на секунду — всего на одну страшную секунду — мне показалось, что на полу сидит кошка. Огромная, рыжая кошка.

В голове пульсировало: это невозможно. Но это было.

Я потеряла сознание.

Очнулась на полу. Рядом валялась разбитая трубка, на линолеуме темнели капли — красные, обычные, человеческие. Голова гудела, в ушах звенело.

Я с надеждой посмотрела на телефон.

Хоть бы это был дурной сон. Хоть бы сейчас зазвонил будильник, и я проснулась, и оказалось, что это просто кошмар. Что Антон жив. Что он смеётся и говорит: «Ну чего ты, глупая, я здесь».

Телефон молчал.

Я посмотрела на руку. Глубокий порез. Засохшая кровь по краям.

Осмотрелась. Кошки не было.

Значит, показалось. Просто показалось.

Но легче не стало.

Его похоронили в его городе. Я не поехала. Не смогла.

Я просто лежала на кровати и смотрела в потолок. День. Два. Неделю. Мать заходила, что-то говорила, ставила еду на тумбочку. Еда остывала, я не притрагивалась. Я не чувствовала ни голода, ни жажды, ни времени.

Следующие полгода я не могла нормально жить. Я просто существовала. Ходила в институт, сдавала экзамены, получала оценки — на автомате, не помня ничего. Одногоруппники отстали, перестали звать на вечеринки, перестали заговаривать. Я стала тенью — серой, незаметной, никому не нужной.

Я поступила в тот самый институт, который мы выбрали вместе, потому что он хотел, потому что мы планировали. Я шла по коридорам и искала его глазами. Глупо. Иррационально. Но я искала.

Ночью мне снилась кошка. Рыжая. С жёлтыми глазами. Она сидела на карнизе и смотрела на меня — пристально, немигающе. А потом прыгала вниз, в темноту.

Конец шестой главы.

Глава 7. Магия

Прошёл почти год.

Я учусь на первом курсе. Живу одна в съёмной квартире. Почти не разговариваю с одногруппниками, на вечеринки не хожу. Тень — серая, незаметная, никому не нужная.

Иногда вспоминала Антона. Как он эффектно закатывал глаза на чью-то глупую шутку. Как включал музыку слишком громко — даже когда народ просил потише — и снисходительно

улыбался. «Я тут главный», — говорила его поза за пультом. Лёгкая самоуверенность раздражала окружающих. А меня почему-то цепляла.

Дни тянулись однообразно. И именно тогда я начала замечать за собой нечто странное.

Каждый раз, когда меня что-то не устраивало или мне чего-то не хотелось, стоило только взглянуть человеку в глаза — и он становился покорным. Продавец в магазине, который пытался нахамить, вдруг сникал и извинялся. Преподаватель, собиравшийся вызвать меня к доске, неожиданно терял мысль и отворачивался. Один взгляд — и чужая воля тает, как снег под солнцем.

Я не понимала, что это. Дар? Проклятие? Но мне стало интересно.

И я начала учиться управлять этим всерьёз.

Сначала робко, на грани страха и любопытства. Проверяла границы. Как далеко могу зайти? Как долго продержится эффект?

Первая серьёзная проверка случилась на экзамене по философии. Зачёт я сдавала уже второй раз. Преподаватель — сухой, педантичный мужчина лет пятидесяти, с жёстким взглядом — принципиально не ставил «автоматы». Я выучила билеты, но едва открыла рот, как слова перемешались в голове в вязкую кашу. Он уже взял ручку, чтобы поставить «неуд». Я посмотрела ему в глаза. Не зло, нет. Просто попросила — мысленно, беззвучно: «Поставьте пятёрку. Я же старалась». На секунду его лицо обмякло, веки дрогнули. Потом он молча перелистнул зачётку, поставил пятёрку и, чуть хмурясь, протянул мне. «Идите». Я вышла с мокрыми ладонями. Сердце колотилось так, что я боялась — оно выпрыгнет. Но в тот момент я ещё не понимала, насколько это опасно.

В автобусе, возвращаясь с пар, я заметила парня. Сидел, уткнувшись в телефон. Даже не думал уступать место пожилой женщине с тяжеленными сумками. Я просто посмотрела ему в глаза. Он вскочил — будто его подбросило — и жестом пригласил женщину сесть. Сам отошёл в конец салона, недоуменно хмурясь. Не понимал, зачем это сделал.

Забавный случай вышел в супермаркете, когда я торопилась на подработку. В кассу я влетела последней, но впереди стоял грузный мужчина с тележкой, забитой под завязку. Он неторопливо раскладывал продукты на ленте, будто у него впереди была вечность. Я мельком встретила с ним взглядом: «Пропустите меня, ну пожалуйста, я опаздываю». Он виновато улыбнулся и отошёл, приглашающе махнув рукой: «Девушка, проходите, вы, наверное, очень спешите». Я пролетела мимо, бросив сдавленное «спасибо». Уже на улице, отдышавшись, я не знала, смеяться мне или плакать. Этот дар делал мою жизнь легче.

Потом была старая преподавательница из социологии. Еле тащила по коридору с кипой книг. Один взгляд — и через мгновение заведующий кафедрой, вечно занятой и высокомерный мужик, бросил свои бумаги, подбежал к ней, взял книги и понёс на третий этаж.

Я замирала от восторга и ужаса одновременно. Как это работает? Почему я могу это делать?

Но чем больше я пользовалась даром, тем сильнее хотелось его использовать. Желания становились всё изощрённее.

Однажды ночью, возвращаясь с подработки из «Уголка», я забрела в тёмный переулок. Там стоял подозрительный тип — кожаная куртка, тяжёлый взгляд. Он шёл прямо за мной. Сердце колотилось, ноги немели. А потом я разозлилась.

Резко развернулась. Посмотрела ему прямо в глаза.

«Ты меня охраняешь», — мысленно приказала я.

Он замер, моргнул — и послушно пошёл за мной. Я шла через весь город, пока не оказалась у своего подъезда. Только тогда, когда за мной захлопнулась дверь подъезда, я выдохнула. И тут же накатил стыд. Я использовала живого человека как марионетку. Ночи — самое уязвимое время, и я выбрала сама.

Вторая серьёзная ситуация произошла в метро. Ко мне пристала пьяная компания — трое парней, громкие, наглые. Начали цепляться, преградили путь. Я сжала кулаки, внутри закипела злость. Посмотрела на самого активного — прямо в глаза, не моргая. *«Ударь его»*.

Он резко побледнел, дёрнулся — и накинулся на своего друга. Им стало уже не до меня. Я стояла, прислонившись к колонне, и наблюдала, как они избивают друг друга. Дрожала уже не от страха, а от силы, которая плескалась во мне, как кислота в стеклянной колбе. Я могла остановить насильника, могла разрушить чужую волю. И это пугало больше, чем любой маньяк в переулке.

Дальше — больше.

Я перестала платить. Зачем платить, если можно один раз взглянуть на официанта или бармена — и они великодушно улыбаются: «Не переживайте, сегодня за счёт заведения»?

Однажды в кафе, где я работала, я увидела симпатичного парня. Высокий брюнет с карими глазами. С ним за столиком сидела его девушка. Красивая. И наглая. Она весь вечер чем-то возмущалась. Когда я принесла заказ, она посмотрела на меня свысока, насмешливо кривя губы.

— Девушка, можно побыстрее, — прикрикнула она.

Меня захлестнула злость..

Я приказала ему: весь вечер говорить только обо мне. Даже когда они уйдут. И он болтал — без остановки, — пока она не разревелась и не выбежала на улицу. А я с улыбкой пошла принимать следующий заказ.

Чувствовала себя богиней.

Ещё я заметила: это работает только на мужчин. Женщины почему-то не поддавались. И это пугало меня куда сильнее, чем любые бессонные ночи. Дар становился сильнее с каждым днём. Он был частью меня — слишком глубоко, чтобы вырезать. Я уже догадывалась, что он — часть той сделки, о которой пыталась забыть. Но не хотела об этом думать.

А потом меня накрыло с головой.

Мы были на лекции по Основам естествознания. Пожилой профессор что-то рассказывал о химических свойствах сильных кислот. Я сидела на заднем ряду — в огромной аудитории-амфитеатре забралась на самый верх, где гул голосов становился неразборчивым. Было душно. Солнце светило прямо в глаза.

— ...оксид меди, серная кислота... — монотонно бубнил профессор.

Я думала о своём. О смерти. О проклятии. О том, что никто не знает, кто я на самом деле.

— Алина Сергеевна! — голос прозвучал раздражённо.

Я не слышала.

— Алина Сергеевна, вы нас покинули? — повторил он громче.

Я не подняла головы. И тут кто-то из старост — отличница с первого ряда — громко захихикал. Зал ожил. Смех покатился по рядам, как волна.

Я молниеносно вскинула глаза. Впиалась взглядом в профессора. Старик стоял у доски, окружённый колбами с кислотами. Я смотрела на него — и в голове мелькнула мысль: пей.

Я хотела, чтобы он замолчал. Чтобы все замолчали.

Профессор замер. Тело его сделалось деревянным, будто марионетка на невидимых нитях. Он медленно повернулся к столу, взял колбу с раствором серной кислоты — той самой, которой только что демонстрировал растворение оксида меди. Поднёс к губам.

Кто-то с переднего ряда закричал:

— Профессор, что вы делаете?!

Он выпил всё залпом. Запахло удушливой гарью. Рот преподавателя раскрылся в беззвучном крике, из горла повалил густой чёрный дым, глаза закатились. Он рухнул на пол — грузно, нелепо, сбив со стола пробирки.

В аудитории началась паника. Кто-то бросился к нему, кто-то кричал, вызывая скорую. Девчонки визжали. Парни пытались промыть ему рот водой из кулера.

А я сидела на месте. Не могла отвести взгляд.

И — вот что страшно — с каждым его хрипом, с каждым мучительным движением агонии мне становилось легче. Воздух, пропитанный запахом палёной плоти, вдруг показался сладким. Я чувствовала невероятное облегчение.

Когда до меня дошло — когда мой собственный восторг ударил по лицу ледяной пощёчиной, — меня затрясло.

Я не контролирую это. Это контролирует меня.

Занятия в институте отменили на неделю. Профессор выжил. Но ожог был сильный. Преподавать он теперь не сможет.

Меня стала грызть совесть. Мне стал сниться этот безобидный старый профессор. «За твоё здоровье!» — кричал он и выпивал кислоту. Каждую ночь.

Чтобы как-то себя отвлечь, я пыталась не думать. Но сны возвращались. И с каждым разом я просыпалась в холодном поту.

Мне стало страшно — до дрожи в пальцах, до кома в горле. Я не хотела больше никому навредить. Даже случайно. Даже взглядом.

Мне нужно научиться это контролировать. Или избавиться вовсе.

Я перестала смотреть людям в глаза. Вообще. Ни на кого.

Стала подолгу сидеть в кафе. День за днём, час за часом. Дома я не могла находиться так долго — становилось одиноко. Я принялась искать информацию в интернете. Хотела найти решение своей проблемы.

А потом... словно насмешка судьбы, появляется он.

Миша.

Статный, с деловой внешностью. Всегда в костюме — даже когда мы просто гуляем в парке. Белая рубашка, тёмные брюки, пиджак накинут на плечи. Вылитый герой старых фильмов.

Ему двадцать два. Мне — девятнадцать. Он смотрит на меня так, будто я — самое ценное, что есть в его жизни.

Мы встретились случайно. Я сидела в кафе, пила кофе, читала что-то к семинару — уже не помню что. Он подошёл и спросил, свободно ли место напротив. «Свободно», — сказала я. Он сел, заказал американо, достал ноутбук.

Он отвечал на звонки прямо за столиком. Говорил слишком громко: «Да решим мы этот вопрос», «Сделайте как я сказал». Властный, самоуверенный. Но когда отключался снова смотрел мягким взглядом, почти детским. Эта двойственность затягивала.

Я краем глаза рассматривала его. Гладко выбритый подбородок. Ямочки на щеках, когда хмурился, глядя в экран. Глаза — весёлые и уставшие одновременно. Как у человека, который много работает, но не научился радоваться жизни.

Он поймал мой взгляд и улыбнулся. Тепло, обволакивающе.

— Я вам мешаю?

— Нет, — я смутилась. — Извините, засмотрелась.

— На что? — приподнял бровь.

— На то, как вы работаете. Вы прямо светитесь, когда в ноутбук смотрите.

Он рассмеялся. Громко, открыто, запрокинув голову.

— Светиться можно только от того, чем горишь. А я горю своим делом.

Так начался наш разговор.

Конец седьмой главы.

Глава 8. Судьба

Он заказал ещё кофе, отодвинул ноутбук в сторону и вдруг посмотрел на меня как-то особенно — пристально, будто вспоминал что-то важное.

— Знаете, — сказал он, чуть склонив голову, — я вас где-то видел.

— Вряд ли, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Нет, точно. — Он наморщил лоб, постучал пальцем по столу. — Тот клуб в деревне, прошлым летом. Вы шли по коридору, уронили сумочку. Я поднял.

У меня перехватило дыхание. Та самая ночь. Антон. Рыжая. И парень, который тогда столкнулся со мной и схватил за руку. Тот самый, после которого на запястье проступили фиолетовые линии. Я даже лица его не разглядела в полутьме, запомнила только голос. А вот он... запомнил меня.

— Извините, — добавил он, заметив мою растерянность, — я не хотел вас смутить. Просто... с тех пор не мог забыть. Странно, правда? Мы столкнулись на секунду, а вы засели в голове. А сегодня вижу — сидите тут, пьёте кофе. Решил, что это судьба.

Я попыталась улыбнуться. Получилось кривовато.

— Судьба, — повторила я. — Возможно.

Он рассмеялся — легко, без надрыва.

— Ладно, не буду вас пугать. Просто захотелось познакомиться.

И, словно ничего не произошло, продолжил:

— Я занимаюсь строительным бизнесом...

Он занимался строительным бизнесом. Рассказывал о своих проектах так увлечённо, что я слушала, открыв рот. Отели, жилые комплексы, торговые центры — для него это были не просто здания, а истории. Истории, которые он создаёт.

— Вот представь, — говорил он, чертя пальцем по столу. — Ты заходишь в отель. Не просто переночевать, а отдохнуть. И всё должно быть идеально: от света в холле до запаха в номере. Я хочу построить такой отель, в который люди будут приезжать, как домой. Самый крутой отель в стране.

Я смотрела на него — и обвораживалась. Не тем, что он богатый или успешный. А тем, как он горит. Как верит в то, что делает. Как глаза загораются, когда он говорит о своём деле.

Но работа поглощала его целиком. Мы могли договориться встретиться в шесть, а он приезжал в девять. Виновато улыбался: «Прости, задержался на объекте, не мог отойти». Обещал звонить каждый вечер — и пропадал на сутки. «Случился форс-мажор, крыша потекла». И что самое обидное — он не считал это проблемой. «Ты же понимаешь, это мой бизнес», — пожимал плечами. Я понимала. Но внутри копилась горечь. Тихо, незаметно, по капле.

— А ты? — спросил он однажды. — Чем ты занимаешься?

Я задумалась. Никогда раньше меня не спрашивали об этом.

— Не знаю. Наверное, пока ишу.

— Найдёшь, — сказал он уверенно. — Такие, как ты, всегда находят.

Мы начали встречаться. Наш роман закрутился как ураган в пустыне — неожиданно, стремительно, сметая всё на своём пути. Он звонил мне по десять раз на дню. Приезжал после работы уставший, но всегда с цветами. Водил в рестораны, которые я видела только на картинках. Дарил подарки — я отказывалась: слишком дорого, слишком щедро.

— Не отказывайся, — говорил он. — Я хочу тебя баловать. Ты это заслужила.

Мы любили отдыхать в его загородном доме. Там было тихо, спокойно. Пахло деревом и полевыми травами. Расстилали на траве плед, ложились и смотрели на звёзды.

— Смотри, — показывал он. — Это Большая Медведица. А это Полярная звезда. Видишь?

Я видела. Но больше всего я видела его — профиль на фоне тёмного неба, его руку, сжимающую мою ладонь.

— Миш, — спросила я однажды. — А ты не боишься? Что я слишком молодая, что у нас ничего не получится?

Он повернулся ко мне, провёл пальцем по щеке.

— Боюсь, — сказал он честно. — Но не получится боюсь больше, чем не попробовать. Ты особенная. Я это сразу понял.

Я закрыла глаза и слушала, как бьётся его сердце — ровно, спокойно, уверенно. Как хорошо мне было рядом с ним. Даже с его вечными опозданиями и одержимостью стройками.

Он уехал в командировку на объект. Должен был вернуться через неделю. Мы созванивались каждый вечер. Он показывал по видео стройку, краны, рабочих в касках. Я показывала ему свои конспекты и жаловалась на скучные лекции.

— Скучаю, — говорил он. — Дико скучаю.

— Я тоже.

— Как только вернусь, сразу к тебе. Никуда не уходи.

— Куда я денусь.

На третий день позвонил его друг.

Я сразу поняла. По голосу — неестественно спокойному, каким говорят страшные вещи. По паузам — слишком длинным, слишком тяжёлым. По тому, как он подбирал слова.

— Алин... Миша погиб. На стройке. Трос оборвался, плита упала... Прости, девочка.

Я не заплакала. Просто села на пол и замерла.

Опять.

Опять.

Почему опять? Вот так всегда: только привыкнешь к человеку, как его забирают.

На кладбище был тяжёлый осенний день. Небо низкое, серое, моросит мелкий холодный дождь. Народу немного — человек пятнадцать. Я стояла в стороне, смотрела на гроб, на цветы, на мать Миши, которая не могла стоять без поддержки.

Странно, думала я. У таких людей, как Миша, много друзей. Где все? Где партнёры по бизнесу? Где те, с кем он работал?

Вспомнила, как он говорил: «Друзья — это те, кто может быть полезен». Я тогда не придавала значения. А теперь фраза звучала горькой усмешкой.

Но спрашивать было не у кого.

Я подошла ближе, когда люди начали расходиться. Мужчины в чёрных костюмах о чём-то переговаривались в стороне, под зонтами. Я услышала обрывок разговора.

— ...кошка там была, я тебе точно говорю. Я её ещё утром заметил. Сидела рядом с краном. Глаза у неё были ярко-жёлтые, необычные. Запомнились.

Я замерла. Прислушалась, стараясь не дышать.

— ...мы уже приёмку закончили, шли вниз документы подписывать. И тут она, кошка значит, сидит, умывается. Потом зыркнула на нас и замерла. А Михаил к ней как одержимый пошёл. Просто повернулся и пошёл.

— Как это? — переспросил второй.

— А вот так. Я его окликнул: Михаил! Он даже не отреагировал. Подошёл к ней, сел и начал гладить. И тут трос оборвался. Прямо над ним. Эх, Мишка...

— Эх, — вздохнул второй.

— Только вот странно, — первый понизил голос почти до шёпота. — Я ж там с начала и до конца был. Мы с мужиками и плиту пытались поднять, только куда там, дуру такую. А когда спасатели приехали и плиту уже подняли... не было там кошки. Совсем не было. Понимаешь? Исчезла.

Я слушала, и внутри меня разрасталась ледяная пустота. Она заполняла грудь, живот, горло — не оставляя места ничему живому.

Кошка.

Как тогда. Как у Антона.

Я развернулась и пошла прочь, не разбирая дороги. Ноги скользили по мокрой траве, но холода я не чувствовала.

Дома я долго сидела в ванной, включив горячую воду. Пар поднимался к потолку, заволакивал зеркало, стекал по кафелю каплями. Я смотрела, как расплывается моё отражение — превращается в бесформенное пятно. И вдруг увидела в запотевшем зеркале что-то рыжее.

Я посмотрела по сторонам.

— Никого.

Фиолетовый свет снова пульсировал перед глазами. Я чувствовала его за закрытыми веками. Там, где жила боль.

Я посмотрела на запястья.

Тонкие линии проступили снова. Бледные, едва заметные — но они были. Пульсировали в такт сердцу.

— Коснешься дважды — будет мой, — прошептала я в тишину ванной.

Вода шумела. Пар поднимался. А я сидела на холодном кафеле и смотрела на фиолетовые линии.

Они не исчезали.

Конец восьмой главы.

Глава 9. Дьявол

С тех пор я больше не прикасалась ни к одному мужчине. И всё так же старалась не смотреть в глаза. Что ж, это у меня получалось хорошо.

Это было сложное время. Я жила как в вакууме — будто меня поместили под стеклянный колпак. Вижу мир, но не могу в него вернуться. Смотрела на парней в институте, на посетителей в кафе, на случайных прохожих в парке — и отводила глаза. Руки сами прятались в карманы, сжимались в кулаки. Лишь бы случайно не задеть, не коснуться.

Я боялась. За них. За каждого, кто мог оказаться рядом.

Искала ответы. Перерыла интернет — форумы, статьи по парапсихологии, старые книги в электронке. Ничего. Ни одного упоминания о фиолетовых линиях, о старухе в избушке, о проклятии касания. Записывалась к экстрасенсам и бабкам-ясновидящим. Сидела в тёмных комнатах, пропахших ладаном и старостью. Слушала их бормотание, смотрела на карты Таро и кофейную гущу. Они качали головами, брали деньги — и ничего не могли сказать.

— У тебя аура странная, — сказала одна, последняя. Женщина лет пятидесяти, с уставшими глазами и дрожащими руками. — Словно не твоя. Словно кто-то чужой внутри сидит. Или снаружи. Не пойму.

— А снять можно? — спросила я. Голос прозвучал глухо, будто из-под воды.

Она долго молчала. Потом покачала головой:

— Не знаю, милая. Может, само уйдёт. Может, нет. Я таких, как ты, не встречала.

Я ушла. И больше не ходила. Надежда, которая теплилась где-то глубоко, угасла окончательно.

Я потеряла надежду.

Началась пора самоуничтожения.

Купила длинные перчатки. Чёрные, кружевные, почти до локтя. Удивительно хорошо смотрелись с моим любимым чёрным платьем. В них я чувствовала себя защищённой. Могла хотя бы делать вид, что я обычная. Что у меня нет проклятия. Что я могу трогать людей, не боясь за их жизнь.

Я начала ходить в клубы.

Странный, пьяный, бессмысленный период. Вечера, ночи, рассветы — всё смешалось в одну сплошную череду басов, вспышек света и чужих лиц. Я теряла счёт дням, перестала замечать время.

Клубы были разные. Стеклянно-холодные, с охраной и фейсконтролем, где пахло дорогим парфюмом и чужими деньгами. Там я чувствовала себя лишней. Подвальные, прокурённые, с липким полом и дешёвым алкоголем, где играл громкий рок. Там было душно, тесно, но почему-то легче дышалось. И обычные заведения — одинаковые диджеи, одинаковые коктейли. Те, что я могла себе позволить, работая в кафе.

Я любила те, где много света. Стробоскопы режут глаза, цветные прожекторы выхватывают из темноты танцующие тела, лазеры в дыму рисуют причудливые узоры. В этом безумном мелькании можно спрятаться. Стать невидимкой. Раствориться в толпе, забыть о себе, о своей боли.

Я пила коктейли. «Мохито» с мятой — свежий, холодный, обжигал горло и оставлял послевкусие лета. «Космополитен» розового цвета — сладкий, почти приторный, от него кружилась голова. «Лонг-Айленд» — наутро раскалывается голова, и ничего не хочется помнить. Я пила и танцевала. Закрыв глаза, отключая мысли, позволяя музыке течь по венам вместо крови.

Я флиртowała с парнями.

Это была моя маленькая игра. Подходила на танцполе, улыбалась, касалась их плеча или груди — через ткань перчатки. Они загорались, начинали ухаживать. Предлагали выпить, проводить, продолжить вечер где-то ещё. Я кивала, соглашалась, выходила с ними на улицу, смотрела в глаза — и уходила. Один взгляд — и я могла подчинить себе любого. Я научилась легко управлять мыслями других людей. Других. Но не своими.

Никто не успевал снять с меня перчатки. Никто не успевал коснуться моей голой кожи. Кроме того раза.

Была суббота.

Обычный клуб, каких в городе десятки. Двухэтажное помещение в центре, низкие потолки, красный неон, громкая музыка — пол вибрирует. Я была здесь пару раз, ничего особенного.

Вечер шёл как обычно. Я пила «Текилу Санрайз» — сладкую, обманчиво лёгкую. Пахло апельсинами и гранатом, скользила по горлу почти незаметно, но голова кружилась уже после второго бокала. Танцевала в толпе, чувствуя, как чужие тела трутся о меня, пот стекает по спине, веки тяжелеют от дыма и алкоголя. Строи́ла глазки парню у стойки — молодой, симпатичный, в белой футболке, похож на студента. Он уже собрался подойти, когда мне стало душно.

Махнула ему извиняющимся жестом и вышла на балкон.

Там прохладнее. Июньская ночь пахла бензином, жареным мясом из соседнего ресторана и сладковатым дымом чьей-то сигареты. Небо тёмное, беззвёздное, редкие облака плывут мимо луны. Я облокотилась на перила, закрыла глаза, вдохнула поглубже.

— Отпусти меня! Я хочу уйти!

Голос резанул по тишине. Девчоночий, истеричный, сорванный. Столько отчаяния — мороз по коже.

Я открыла глаза, повернула голову.

На балконе боролись две фигуры. Девушка пыталась вырваться, но её руку крепко держала мужская ладонь. Пальцы сжимали запястье так, что кожа побелела.

— Не дёргайся, — лениво бросил мужчина. Голос низкий, равнодушный. Будто он говорил с провинившейся собакой.

Я всмотрелась.

Высокий. Шатен, густые брови, нос с горбинкой — лицо хищное. Карие глаза, плоские губы, тяжёлая челюсть. Одет дорого: кожаная куртка, чёрные брюки, на одной руке золотые часы, на другой — золотой перстень с чёрным камнем. Человек, привыкший брать то, что хочет.

Один из его друзей, стоящих рядом, попытался вмешаться:

— Ник, да забей ты на неё, пойдём в клуб.

И тут же получил сильную, звонкую пощёчину. Рука Ника взметнулась и опустилась с такой силой, что друг пошатнулся, схватился за щеку.

— Она будет со мной, пока мне не надоест, — сказал Ник. Низким, грубым голосом. Ни капли сомнения. Только власть. Только уверенность в своей безнаказанности.

Я похолодела.

Ник. Никита Гордецов. Я слышала о нём. О нём слышали все. Моральный урод, избалованный сын местного олигарха. Золотой мальчик, которому всё сходило с рук. Девушки, драки, разбитые машины, подкупленная полиция — за ним тянулся шлейф слухов, от которых становилось тошно. С ним старались не связываться — себе дороже.

Девушка была обычная. Платье недорогое, обычные туфли, немного украшений. Студентка, наверное. Или продавщица. Или официантка, как я. Та, которая не знала, на кого нарвалась. Она смотрела на Ника расширенными от ужаса глазами, губы дрожали.

Она уже не сопротивлялась. Плакала, обмякнув в его руках. Он прижал её к себе, держа за волосы, и что-то шептал на ухо — мерзкое, унижительное. Она только сильнее зажмурилась. По щекам текли слёзы, размазывая тушь.

Я решила, что мне пора домой.

Конец девятой главы.

Глава 10. Тебя не жалко

Поправила перчатки, взяла сумку и пошла к выходу с балкона. Пришлось пройти совсем рядом с компашкой Никиты. Они меня даже не заметили — все взгляды были прикованы к девушке, к этому маленькому спектаклю унижения.

Я взялась за ручку двери, дёрнула на себя, сделала шаг к выходу.

И тут услышала его голос.

— Сегодня у тебя особенная ночь, — загнусавил он, наклоняясь к самому уху девушки. — Сегодня твой первый раз. Сегодня я сделаю тебя женщиной.

Он усмехнулся, огляделся по сторонам и, заметив восхищённые взгляды друзей, добавил:

— А может, и не только я.

Я застыла в проходе. Секунда. Две. Три.

Сделала шаг наружу. И остановилась.

Перед глазами всплыло лицо той рыжей. Её улыбка. Жёлтое платье на полу. Тот стон. Та ночь. Всё это накрыло меня с головой — будто я снова стояла под дверью диджейской, будто мне снова было шестнадцать.

«Сегодня я сделаю тебя женщиной».

Я медленно сняла перчатки, засунула их в сумку, развернулась. Подошла к Никите.

— Привет, — сказала я спокойно. Голос не дрожал. Удивительно.

Он обернулся, удивлённо поднял бровь:

— Ты кто?

Да, мне хватило бы просто взгляда в его глаза. И он бы отпустил бедную девушку, и все бы разошлись. Но тогда — именно в тот момент — мне захотелось, чтобы он страдал. Чтобы мучился так же, как мучает эту девушку.

Вместо ответа я схватила его за свободную руку. Голой ладонью. Крепко.

Он дёрнулся — будто его ударило током: тело напряглось, плечи подскочили. Разжал пальцы, выпуская девушку. Та отшатнулась, замерла, не понимая, что происходит.

Я обняла Никиту, прижалась к нему всем телом и через плечо, поверх его куртки, мигнула девушке. Быстро, едва заметно: убирайся.

Она растерянно попятилась и исчезла в дверях.

— Ты чего творишь? — Никита попытался отстраниться, но я держала крепко.

— Ты хотел развлечений? — прошептала я ему на ухо, чувствуя, как он замер. — Я развлеку тебя лучше, чем она.

Он замер. Потом медленно, очень медленно улыбнулся. Хищно, опасно.

— Смелая, — сказал он. — Мне это нравится.

Я не знала, как работает проклятие. Хватит простого касания или нужно переспать с ним, чтобы активировать ту самую «вторую» черту? Понятия не имела. Но решила не рисковать. Если уж спасать эту дуру — то по-настоящему.

Мы вышли из клуба.

Его машина стояла у входа. Спортивная иномарка, чёрная, низкая — в её обводах угадывались женские изгибы. Плавные, хищные, обещающие скорость. Лак блестел в свете фонарей, стёкла тонированы.

— Садись, — кивнул он.

Я села.

Выехали за город. Он вёл быстро, уверенно — одной рукой, другой настраивал музыку. Гул мотора: ровный, мощный. Я молчала. Смотрела в окно на огни, уходящие назад, на темноту, сгущавшуюся по бокам дороги. Дома становилось всё меньше, деревья — всё выше.

«Мне тебя не жалко», — крутила я эту мысль в голове всю дорогу. Успокаивала себя: я поступаю правильно.

Остановились на берегу реки.

Никита щёлкнул кнопку — крыша сложилась в багажник. Открылось небо. Тёплая июньская ночь, огромная луна, как гигантский фонарь. Вода в реке мерцала, переливаясь звёздами.

Он вышел, снял рубашку. Под ней — крепкое тренированное тело, рельефные мышцы, широкая грудь. Растянул ремень, направился к воде, не оборачиваясь.

— Ты идёшь? — крикнул он.

Я открыла дверь, сняла туфли. Босые ступни коснулись травы — холодной, мокрой от росы. Встала на сиденье, медленно, глядя на луну, сняла платье. Ткань скользнула по телу, упала на сиденье. Ночной ветер коснулся кожи.

Вода оказалась тёплой — почти парное молоко. Мы стояли по пояс, две фигуры, залитые лунным светом. Река текла тихо, спокойно. Где-то вдалеке крикнула ночная птица.

Он подошёл, прильнул к моим губам.

Никита целовался жадно, собственнически — будто ставил клеймо. Не как Антон — нежный, трепетный. Не как Миша — опытный, уверенный. В его поцелуях была власть. Он брал — не просил.

Губы, подбородок, шея. Ключицы. Грудь.

Я задрожала. Не от холода — от удовольствия. Оно накатывало волнами, и я вцеплялась руками в его спину, в бёдра, оставляя красные полосы.

Он обхватил меня, крепко прижал, приподнял, взял за бёдра — и понёс к машине. Я обвила ногами его пояс.

Он положил меня на капот. Металл был тёплым от дневного солнца. Наклонился, прошептал в ухо — почти без звука, одними губами:

— Теперь ты моя.

Он был напорист, слегка грубоват. Но мне это даже понравилось — в грубости не было жестокости, была сила. Страсть. Желание обладать.

Удовольствие захлёстывало, как морские волны. Волна за волной. Он постанывал, изредка шлепая по бёдрам, и каждый его стон отзывался во мне новой вспышкой. Я теряла себя, растворялась в нём.

Мы слились в одно целое. Движения, дыхание, даже ритм сердец — всё в унисон.

Чудесная ночь.

Утром он подвез меня к дому.

— Отдыхай, малышка, — сказал, останавливаясь у подъезда. — Вечером заеду.

Поцеловал в губы — коротко, но властно. Вышел, открыл мне дверь, подал руку, проводил до подъезда. Джентльмен. Странно после вчерашнего.

Я поднималась по лестнице, перебирая мысли. Они путались, натывались друг на друга, не складываясь в картину. Лифт не работал, ступеньки скрипели.

Мне нужно встретиться с ним ещё раз.

Зачем? Чтобы убедиться, что он жив? Проверить, сработало ли проклятие? Или потому что...

Я отогнала мысль.

Дома сходила в душ, выпила чай, съела бутерброд с сыром. Легла спать. Было около девяти утра.

Вскочила в одиннадцать.

Вся мокрая от пота. Трясло. Сердце колотилось где-то в горле. Шарила рукой по тумбочке в поисках стакана с водой — я всегда ставлю его рядом. Нашарила, выпила залпом, расплескав половину на простыню.

Села, прижала ладони к лицу, пытаюсь успокоить дыхание.

И вдруг поняла.

Это не страх. Не ужас перед проклятием.

Это страх за Никиту.

За этого морального урода, избалованного сынка, который вчера собирался насиловать девушку на глазах у друзей.

За человека, которого я знаю меньше суток.

За того, с кем провела ночь.

Какая же я дура.

Я, кажется, влюбилась в него.

Конец десятой главы

Глава 11. Моя

Я не помню, как уснула. Просто выключилась — посреди дня, посреди мыслей, посреди этого липкого, путаного чувства. Которое никак не хотело раскладываться по полочкам. Устала думать. Устала бояться. Искать ответы, которых нет, — выматывает, знаете? Они ускользали, как вода сквозь пальцы. Оставляя после себя только пустоту. И тяжесть в груди.

Я провалилась в темноту без снов. Никаких видений, никакой рыжей девушки, никакого фиолетового света. Одна чернота. Густая, бархатная — как ночное небо, с которого сняли все звёзды.

Разбудил меня звонок в дверь. Настойчивый, требовательный: три длинных гудка, потом ещё два коротких. Этот ритм врезался в сон, выдернул меня из забытья. Резко. Безжалостно.

Я села на кровати, хватаясь за простыню, пытаюсь сообразить, который час. Голова была тяжёлой, язык — ватным, в висках пульсировало. Солнце стояло высоко — золотистые полосы пробивались сквозь щели в шторах, ложились на пол, на разбросанную одежду, на пустую чашку из-под вчерашнего чая. Значит, уже день. Поздний. Я проспала почти до полудня.

Звонок повторился. Теперь настойчивее.

Я накинула халат — старый, махровый, когда-то синий, а теперь выцветший до неопределённого серого оттенка, — подошла к двери, глянула в глазок. На площадке стоял курьер. Молодой парень в синей форме, с огромным букетом, который занимал едва ли не всю лестничную клетку. Я даже лица его не видела из-за цветов.

Я открыла. Петли тихо скрипнули.

— Алина? — спросил он, сверяясь с накладной. Голос равнодушный, будничный — такие бывают у людей, которые делают одно и то же сотни раз за день.

— Да.

— Распишитесь.

Я взяла букет и чуть не уронила — такой он был тяжёлый. Красные розы. Много. Очень много. Я сбилась со счёта где-то на третьем десятке, а стебли всё лезли и лезли из упаковочной бумаги. Бордовые, почти чёрные у основания лепестков и ярко-алые на кончиках — выглядели так, будто их окунули в кровь. Пахли тяжело, сладко, дурманяще — этот запах заполнил всю прихожую за секунду, смешиваясь с запахом старого лака и пыли.

Курьер ушёл, а я так и стояла, прижимая букет к груди, не в силах пошевелиться. Стебли холодили кожу через тонкую ткань халата, лепестки касались подбородка.

Потом заметила конверт. Маленький, белый, приклеенный к бумаге сбоку — почти незаметный среди этой алой роскоши.

Открыла дрожащими пальцами. Бумага хрустнула.

Внутри была записка. Одно слово, написанное уверенным, резким почерком, с нажимом, продавившим бумагу:

«Моей»

Я прижала бумажку к губам и закрыла глаза.

День прошёл быстро. Слишком быстро. Я провела его в размышлениях — ходила по квартире кругами: от кухни до комнаты, от комнаты до балкона, снова на кухню. Пять шагов туда, пять обратно. Потом пила кофе — чёрный, горький, обжигающий — и снова ходила. Смотрела на розы, которые некуда было ставить. И они теперь торчали из трёх ваз, из двух банок и даже из пластиковой бутылки с обрезанным горлышком, стоящей на подоконнике. Красные пятна в каждой комнате. Как напоминание.

Я пыталась разобраться в себе. В том, что я чувствую.

Это невозможно. Это безумие. Я знаю его меньше суток. Он — хам, насильник, избалованный мерзавец. Он вчера собирался надругаться над девушкой на глазах у своих друзей, смеялся над ней, унижал. А сегодня прислал мне цветы. И записку. С одним словом, от которого у меня подкашиваются колени. И я не могу выбросить их из головы. И его — из головы.

Это просто страх, уверяла я себя. Страх за него. Страх, что проклятье сработает. Страх, что я снова кого-то убью. Антона, Мишу — теперь Ника. Я не выдержу третьей потери.

Но глубоко внутри, там, куда я боялась заглядывать, пульсировало что-то другое. Тёплое. Опасное. Надеющееся. Оно поднималось из самой глубины — из того места, где я похоронила все свои чувства после смерти Миши.

«Я всё делаю правильно», — сказала я себе вслух. Голос прозвучал глухо, неубедительно. «Я контролирую ситуацию». Слова повисли в воздухе — не убедив никого, даже меня.

К вечеру я вышла на балкон.

Солнце катилось к горизонту — огромное, оранжево-красное, оно тяжело оседало за крыши домов, разливая по небу плавящийся металл. Облака горели розовым и золотым, вытягиваясь в длинные полосы — будто кто-то провёл по небу гигантской кистью, оставляя за собой огненный след. Город внизу шумел, гудел, переливался огнями начинающихся фонарей. Где-то сигналила машина — резко, требовательно. Где-то лаяла собака — заливисто, надрывно. Где-то играла музыка из открытого окна — глухая, далёкая. Обычный летний вечер. Обычная жизнь.

Я облокотилась на перила. Вдохнула тёплый воздух, пахнувший асфальтом, нагретой пылью и цветущими где-то внизу липами. Волосы разметались по плечам, я заправила их за уши и замерла, глядя, как последний луч солнца угасает за горизонтом, оставляя после себя багровую полосу.

И в этот момент во двор въехала спортивная машина.

Чёрная, низкая, хищная. Она скользила по асфальту бесшумно — как акула в ночной воде, и фары её горели холодным белым светом, режущим глаза. Такая в городе была только одна. Я знала. Я ждала.

Сердце пропустило удар, потом заколотилось где-то в горле.

Машина остановилась у моего подъезда.

Я отшатнулась от перил, зашла в квартиру, закрыла балконную дверь. Прислонилась к стене спиной, пытаясь отдышаться. В груди теснило, в ушах шумело. Спокойно. Всё хорошо.

Подошла к зеркалу в прихожей. Посмотрела на своё отражение — растрёпанные волосы, раскрасневшиеся щёки, блестящие глаза. Провела рукой по голове — пригладить непослушные пряди. Губы пересохли.

Закрыла глаза.

— Я всё делаю правильно, — прошептала я своему отражению.

Открыла глаза. Кивнула себе. И пошла открывать дверь.

Мы ехали по вечернему городу, почти не разговаривая.

Он всё время болтал по телефону — резко, отрывисто, командным тоном, который совсем не вязался с тем, как он смотрел на меня вчера. Я слушала обрывки фраз про какие-то поставки, про каких-то людей, про «решить вопрос» и «чтобы завтра было готово». Смотрела в окно на проплывающие мимо огни, на людей, спешащих по своим делам, и чувствовала себя странно — будто в кино. Будто это происходит не со мной. Будто я смотрю на чужую жизнь со стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.